

ное, монументальное обобщение, графический рисунок.

Но все же в целом порог политической ангажированности белорусский плакат в 60-е годы преодолеть не смог, и основу издательской продукции составляли плакаты, ориентированные на эстетику социалистического реализма, которая наиболее соответствовала духу официальной пропаганды. И эта “заданность” плаката, естественно, не могла не суживать не только художественные поиски плакатистов, но и жанровые возможности плаката как такового.

70 – 80 е годы открывают новую фазу в истории белорусского плаката в плане все большего насыщения его чертами художественности.

Так, в 70-е годы XX в. в искусстве плаката появляется новое символично-аллегорическое направление, характеризующееся высокой степенью художественного обобщения (доведения его до уровня символа) и лаконичностью цветового решения. Художественный ряд плаката здесь строится на приемах иносказания, аллегории, метафоры. Используя наиболее распространенные употребляемые символы, художники этого направления дают им новую неожиданную трактовку, наделяют яркой образностью. Именно этими чертами отмечены лучшие работы Л. Кальмаевой, В. Круковского, С. Саркисова, привлекающие внимание зрителей композиционными находками, остротой видения, свежестью мысли [1, с. 11].

Именно в рамках символично-аллегорического плаката наиболее ярко проявились элементы декоративности в плакатном творчестве, что в свою очередь, очевидно, и привело к возрождению в нем традиций белорусского декоративного плаката после революционного десятилетия.

На рубеже 70 – 80 годов намеченные в плакате тенденции к обобщению, ассоциативности, условности художественного языка приобретают уже явное выражение. В изобразительных решениях художники многих направлений и жанров стремятся к минимализму в использовании изобразительных средств с целью придать им художественную максимальную выразительность.

Литература:

1. Атрахович Е. И. Тенденции развития белорусского плаката 1960 – 1980 годов. Автореф. дис. ... канд. искусствовед. наук. – М., 1985. – 22 с.
2. Белорусский печатный плакат: Каталог выставки / Белорусский союз дизайнеров. – Б.и., 1999. ? 32 с.
3. Белорусский политический плакат. – Мн., 1989. – 239 с.
4. Корецкий В. Б. Заметки плакатиста. – Мн., 1958. – 166 с.

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ КАК НОСИТЕЛЬ ДИАЛОГИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ

В. В. Сацко

Рецензент: П. Г. Игнатович, кандидат исторических наук, профессор культурологии

Диалог культур является объектом внимания многих ученых-гуманитариев уже несколько десятилетий. Однако целью этой статьи является не столько анализ самого этого феномена, не столько исследование диалогических процессов в современной культуре, сколько выявление их непосредственного носителя и инициатора. “Только тогда, когда феномен одновременности культур, общения между ними стал важнейшим социальным и личностным определением человеческих отношений, – т.е. в XX веке, – все остальные предпосылки диалогизма могли соединиться и сформировать идею диалога как всеобщую характеристику гуманитарного мышления, как определение разума,” – это высказывание В.С. Библера как нельзя более точно указывает на объект нашей работы [2, с. 104].

Для начала хотелось бы коротко сказать о том понимании диалога, в русле которого мы будем исследовать проблему, связанную с носителем диалогического сознания. Начиная с XX века диалог становится тем необходимым для коммуникации культур фактором, без которого не мыслится дальнейшее развитие человечества. Понимаемый так диалог – это способ толерантного сосуществования равноправных культур.

Ключевыми понятиями события культуры в этом контексте становятся терпимость, плюрализм, критичность и самокритичность. По В.А. Лекторскому, специфика современной формы диалога выражается в следующем: каждая из культур-контактеров не только вступает в борьбу с другой системой, но так или иначе пытается учесть ее опыт, расширяя тем самым горизонт собственного. В то же время чужой опыт осваивается критически: речь идет не о сле-

Часто в плакате образное обыгрывание получают надписи, используется нетрадиционный образ, приемы преобразования предметов, например, в работах художников-плакатистов Л. Кальмаевой, В. Жука, В. Васюка, Н. Стомы, М. Борозны, работающих интересно и плодотворно в этот период.

В 80-е годы как альтернатива официальному издательскому плакату возникает так называемый “выставочный” плакат, целью которого стало как разрушение штамповости в плакатном искусстве, так и поиск новых изобразительных средств и художественных приемов. “Выставочный” плакат был создан специально для выставок, без расчета на массовое издание, ибо не отвечал требованиям официального “лозунгового” стиля. Художественный язык “выставочного” плаката часто основан на личностных ассоциациях автора, на известной “закодированности” образа, на философских ассоциациях и так далее.

Как правило, отличающийся высокой художественностью, он привнес в белорусское искусство плаката множество художественных открытий, расширив как его тематический диапазон, так и художественную палитру.

В последнее время наметился возврат к плакату реалистических форм. Одним из главных средств, используемых плакатистами в ряде работ последних лет, стала фотография.

Происходит расширение и жанровой структуры современного плаката. Наряду с плакатами-портретами появились плакаты-пейзажи, плакаты-натюрморты, абстрактные плакаты, плакаты-коллажи.

Усложнение эстетической стороны современного плаката привело к изменению его статуса. Плакат не только пропагандирует, но и становится самоценным художественным произведением. Сейчас происходит процесс широкого взаимодействия плаката с другими видами искусства: живописью, графикой, скульптурой, художественной фотографией, что, естественно, приводит к взаимообогащению, отсюда неисчерпаемые возможности дальнейшего совершенствования и развития данного вида изобразительного искусства.

пом заимствовании и не о насаждении смыслов и ценностей другой культуры. Скорее, здесь имеется в виду необходимость мировидения с позиций Другого, другой системы ценностей, чужой культуры, которое сможет помочь в решении собственных проблем. Понимаемый в этом ключе диалог выступает как необходимое условие плодотворного развития культуры.

Согласно диалогической концепции М.М. Бахтина – В.С. Библера, в процессе диалога происходит как бы персонафикация контактирующих культур, когда каждая из них рассматривается как субъект. Как отмечал В. С. Библер, “понимание каждой культуры как субъекта, как одного из участников диалога «по последним вопросам человеческого бытия», – такого участника, который в общении с иными Образами культуры обнаруживает и впервые формирует новые свои смыслы, формы, устремления; такое бытие культур всегда персонафицировано” [2, с. 104]. То есть, если определить всю культуру как *большой субъект диалога*, необходимо выделить и *малый субъект*, средоточие “гуманитарного мышления”, ту силу, которая является внутрикультурным двигателем и инициатором диалога. На наш взгляд, в человеческом сообществе этим “малым субъектом” является интеллигенция как целостность и интеллигентный человек как представитель этого целого. Именно интеллигенцию мы рассматриваем как специфического носителя диалогического сознания, “гуманитарного мышления” в культуре.

В данном контексте это понятие до сих пор не становилось предметом рассмотрения исследователей. Поэтому, для того чтобы выяснить, что стоит за определением “интеллигенция как

носитель диалогического сознания”, эксплицируем такие понятия, как “интеллигенция” и “интеллигентный”.

Согласно словарной дефиниции, “интеллигенция” в общепринятом представлении обозначает общественный слой образованных людей, профессионально занимающихся сложным умственным (интеллектуальным) трудом [3, с. 254]. Формулировка и развитие понятия “интеллигенция” (сложившегося относительно поздно, в XIX в.) принадлежит в первую очередь российскому культурному пространству. Однако, несмотря на это, нам бы хотелось расширить культурное поле его применения, связав понятие “интеллигенция” с понятием “гуманитарное мышление”, которое осмысливается М. М. Бахтиным как всеобщее свойство любой культуры.

Мы считаем, что по своей сути понятие “интеллигенция” является чисто культурологическим и означает прежде всего *круг людей культуры*, т.е. тех, чьими знаниями и усилиями создаются и поддерживаются культурные смыслы, ценности, нормы и традиции. В данном контексте не утрачивается изначальный смысл этого понятия, заключенный в латинском термине: “понимание”, “знание”, “познавательная сила”. Именно эти свойства и определяют деятельность интеллигенции, ее общественное значение и социокультурный статус. Однако при выявлении смысла этого концепта исследователь сталкивается с некоторыми сложностями. Дело в том, что понятие “интеллигенция” многозначно, полифонично. Кроме того, оно не вполне формализовано: социальное положение интеллигенции нельзя считать строго очерченным, – ее исторические оценки противоречивы, а представители чрезвычайно разнородны. Все это приводит к определенным трудностям в исследовании данного феномена. Тем не менее, на наш взгляд, на современном этапе носитель диалогического сознания является именно эта трудно поддающаяся описанию категория людей.

Во многом в силу неформальности самого понятия интеллигенция сравнительно редко становилась объектом исследования ученых-гуманитариев в СССР и на постсоветском пространстве. Тем более неочевидным вкладом в анализ специфики этой категории являются “Беседы о русской культуре: культура и интеллигентность” Ю.М. Лотмана. Автор отмечает, что слово “интеллигенция” в нашем повседневном понимании, скорее, указывает на наличие высшего образования и профессию, связанную с умственным трудом, чем на саму сущность этого явления. В связи с этим Лотман полагает, что надо центрироваться не на термине “интеллигенция”, а на понятии “интеллигентность”, как сущностной сердцевине исследуемого феномена. Отметим, что оно отнюдь не тождественно понятию “интеллигенция”. Так, можно сказать “рабочая интеллигенция”, но нельзя сказать “рабочая интеллигентность”. Таким образом, концепт “интеллигентность” не дробится по социальному признаку и является более всеобъемлющим, чем “интеллигенция”.

Интеллигентность имеет не столько социально-статусный, сколько культурно-психологический характер. Это порожденное культурой психологическое качество, которое может быть присуще человеку любой социальной прослойки. Носители этого качества в совокупности своей создают то, что Ю. М. Лотман называет психологически-нравственным типом культуры. По нашему убеждению, для ведения диалога в первую очередь необходима психологическая предрасположенность к нему, а именно – интеллигентность.

Что означает “интеллигентный человек”? В первую очередь это тот, кто уважает себя, “человека-в-себе”. Только благодаря самоуважению человек может уважать Другого, “человека-в-другом”.

На наш взгляд, интеллигентность тождественна высокой социальности или “социальности в культуре”, как это понимает В.С. Библер [2, с.107]. Она предполагает следующие человеческие качества:

- отношения, основанные на взаимном уважении;
- взаимное желание общаться;
- взаимное желание понять друг друга;
- сомнение, понимаемое как результат диалога, когда “мое собственное бытие – во всей его цельности и законченности –

поставлено под сомнение, под знак вопроса” [2, с. 140].

Исходя из этого сущность интеллигентности заключается в желании понять другого человека, при абсолютном осознании, что он – другой (по Э. Левинасу – *Инаковий*), что он имеет право быть другим, и что он интересен в первую очередь именно тем, что он другой. Этот интерес к Другому всегда тесно связан с так называемой толерантностью, определяемой большинством авторов как “ориентация на терпимость”. Поэтому именно интеллигентность является первоначальным условием толерантности и залогом диалогического взаимодействия.

Таким образом, в нашем понимании *интеллигенция* – социальный слой образованных людей, аккумулирующих в себе национальную культуру и в силу присущей им ориентации на терпимость способных осуществлять межкультурный диалог.

Еще раз подчеркнем: в контексте диалога интеллигенция непременно предполагает культурно-психологическое качество – *интеллигентность*. В то же время, если разделять эти понятия, получается следующее. С одной стороны, одна лишь интеллигентность – как культурно-психологическое качество – может способствовать диалогу, поскольку подразумевает такие характеристики, как внимание к Другому, терпимость, уважение иной точки зрения, готовность к контакту и др. Тем не менее для ведения полноценного межкультурного диалога одной интеллигентности недостаточно. Кроме искреннего интереса и уважения к другой культуре, желания общаться и умения видеть мир глазами Другого необходимо знание как своей, так и чужой культуры, умение накапливать эти знания и транслировать их. То есть в данном случае возникает необходимость и в некоторой профессиональной интеллектуальной ориентации, в том, что изначально, даже этимологически присуще понятию “интеллигенция”. Тем более, что диалогическое сознание предполагает не только психологическую предрасположенность к диалогу, но еще и некое активное начало, инициирующее этот диалог.

С другой стороны, если понимать интеллигенцию как исключительно социально-статусное образование, как прослойку людей, занятых интеллектуальным трудом, то в таком варианте возможность полноценного диалога отнюдь не гарантирована, ибо “знание о культуре” не тождественно “знанию культуры”. Примером этого может служить поведение вполне образованных и родовитых англичан (которые, безусловно, представляли собой интеллигенцию в последнем понимании) в колониальной Индии: они не вступали в диалог даже с европеизированной прослойкой индийцев, в любом случае относясь к ним как к дикарям.

Таким образом, для полноты определения носителя диалогического сознания нам необходимо сопряжение двух понятий – “интеллигенция” и “интеллигентность”.

На наш взгляд, интеллигенция как носитель диалогического сознания является “энергетическим” источником национальной культуры, а интеллигент как ее основа обладает жизненно важным для культуры качеством: он может сознательно выходить из своей традиционной культуры (для того, чтобы ее изменить) или оставаться в ней (для того, чтобы ее сохранить).

В нашем понимании интеллигенция выполняет следующие основополагающие социокультурные функции:

- 1) функцию аккумуляции национальной культуры (интеллигенция является “квинтэссенцией мира” [2, с. 113];
- 2) функцию трансляции своей культурной традиции вовне, с одной стороны, и ретрансляции инокультурной традиции – с другой;
- 3) функцию выбора ценностной ориентации общества.

Конечно же, этими тремя пунктами функции интеллигенции не исчерпываются, однако они являются базисными для отображения механизма диалогических отношений, и именно они делают интеллигенцию тем “социумом межвременным, на грани культур живущим”, который, по мысли В. С. Библиера, и есть “социум культуры, – единственный домен гуманитарного мышления” [2, с.109].

Литература:

1. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1979.
2. Библер В.С. Михаил Михалович Бахтин, или Поэтика культуры. – М.: Прогресс, 1991.
3. Культурология. XX век. Энциклопедия. Т.1. – СПб.: Университетская книга, 1998.
4. Левинас Э. Избранное. Тотальность и Бесконечное. – М.; СПб.: Университетская книга, 2000.
5. Лекторский В.А. О толерантности, плюрализме и критицизме // Вопр. философии. – 1997. – № 11.
6. Лотман Ю.М. Избранные статьи: В 3-х т. Т. 1. Таллин, 1992.